Столетова А. С. Материальное положение советских граждан в зеркале общественно-го мнения 1960—1980-х годов (по данным писем в центральные органы власти и СМИ) / А. С. Столетова // Научный диалог. — 2020. — № 3. — С. 402—422. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-3-402-422.

Stoletova, A. S. (2020). Financial Situation of Soviet Citizens in the Mirror of Public Opinion of 1960—1980s (according to Letters to the Central Authorities and the Media). *Nauchnyi dialog*, 3: 402-422. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-3-402-422. (In Russ.).

УДК 94:316.344.233(47)“1960/1980”+316.654:342.5(47)“1960/1980”

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-3-402-422

МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН В ЗЕРКАЛЕ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ 1960—1980-х годов (по данным писем в центральные органы власти и СМИ)¹

© Столетова Анна Сергеевна (2020) orcid.org/0000-0002-2167-072X, ResearcherID P-1507-2017, SPIN 4378-2093, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Гуманитарного института, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Вологодский государственный университет» (Вологда, Россия), Stoletowa-A-S@yandex.ru.

В статье на основе впервые вводимых в научный оборот архивных источников освещается вопрос материального благополучия советских граждан в оценках массового сознания 1960—1980-х годов. В рамках проблематики рассматриваются уровни благосостояния граждан, выступающие драйверами социально-экономического развития государства. Кроме того, затрагивается ментальная сторона процессов. Ставится вопрос об общественном расслоении, начале формирования новой структуры общества как жизненных реалиях второй половины XX века. Отмечается, что в народной среде велось бдительное наблюдение за чрезмерным обогащением лиц, находящихся на руководящих должностях. На основе анализа базы материалов Российского государственного архива новейшей истории автор приходит к выводу, что тенденцией времени являлся рост числа незаконных приобретений по трем направлениям: жилплощадь, автотранспорт, личное приусадебное хозяйство. Поднимается проблема, связанная с модернизационными процессами в духовной сфере жизни советского общества. Показано, что в данной области происходили изменения в поведенческих стереотипах социальных классов в условиях развития права пользования социалистической собственностью, в отношении к вещам и стремлении к комфортной жизни в социуме. Сделан вывод о том, что глобальным следствием указанных явлений стало утверждение частнособственнической морали.

Ключевые слова: капитал; имущество; советский период; материальный статус; общественное мнение; социальная жизнь; материальные ценности.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ «Трансформация российского общества 1950—1990-х гг.: классовый генезис и эволюция экономического устройства», проект № 19-18-00269.

1. Постановка проблемы изучения общественного мнения в СССР

Материальное благополучие граждан СССР — одна из ключевых и дискуссионных исторических проблем, связанных с исследованиями динамики жизни общества. Она неразрывно сопряжена с представлениями людей о необходимом уровне благосостояния (потребительский идеал), со стереотипами поведения, штампами и идеологемами, сформировавшимися в массовом сознании.

Изучение общественного мнения в СССР началось в 1950-е годы. Систематический характер социологические исследования в стране приобрели с конца 1950-х — начала 1960-х годов. Они связаны с именами А. Г. Здравомыслова [Человек и его работа ..., 1967], В. Н. Шубкина [Шубкин, 1970], Б. А. Грушина [Грушин, 2001], Ю. А. Левады [Левада, 2004], В. А. Ядова [Лапин, 2009] и др. На этом поприще стоит отметить деятельность таких организаций, как Институт общественного мнения при газете «Комсомольская правда», ИКСИ АН СССР [Пугачева, 1994; Шляпентох, 1987], ВЦИОМ, Левада-центр и др. Ими проведены крупные социологические исследования, в том числе обозначены динамика и проблемы уровня жизни населения; итоги и перспективы движения за коммунистический труд; проблемы советской семьи и т. д. Была создана основа для исследований менталитета российского народа в историческом контексте и фокусе общественных взглядов. Нельзя не отметить, генеральный проект «Функционирование общественного мнения в условиях города и деятельность государственных и общественных институтов» [«47 пятниц» ..., 2017]. Данное системное исследование конца 1960-х годов фиксировало потоки информации между органами власти и населением города в процессе решения обеими сторонами социальных проблем. Руководителем проекта выступил Б. А. Грушин. Среди тем проекта — СМИ (пресса, радио, ТВ) и адресованные им письма советских граждан как источники информации и каналы выражения общественного мнения, а также реакция на них органов управления и т. д. [Жаворонков, 2012, с. 460—461].

Разделяя подходы и внимание современной исторической науки к изучению документов личного происхождения, мы полагаем, что исследование проблематики, связанной с анализом трансформационного процесса в общественном сознании и менталитете, смены жизненных ориентиров и идеалов, ценностных установок населения, невозможно без рассмотрения частных взглядов, наблюдений граждан, выраженных в письмах. Социальные потрясения второй половины XX века, безусловно, оказали сильнейшее влияние на результат утверждения частнособственнической морали, что повлекло за собой глубочайшие перемены в восприятии реальности, а следовательно, и изменило судьбы нескольких поколений людей.

Экономическое положение и материальное состояние граждан обсуждалось в обществе, в среде горожан и селян, среди рабочих и служащих. Зачастую их мнения отражались в письмах, адресованных органам власти, и оказывали определенное воздействие на деятельность правоохранительных органов. Эпистолярное наследие, на наш взгляд, еще мало введено в научный оборот (в отличие от данных соцопросов, находящихся в общем доступе [Банк социологических данных ...; Единый архив ...]) как конкретный исторический источник, необходимый при анализе вопроса о ценностях советского социума. В данной статье будет сделан определенный шаг в данном направлении.

В советский период распространенным явлением стало народное стремление оповестить редакции центральных и республиканских газет о тех или иных неурядицах жизни. В сообщениях были сосредоточены опыт, ценные предложения и высказывания, многие из которых не печатались прессой [РГАНИ, ф. 100, оп. 5, д. 1, л. 149]. Безусловно, большинство писем приходило в центральный орган ЦК КПСС, массовую и популярную газету «Правда». В корреспонденции затрагивались вопросы соотношения идеалов и ориентиров советских граждан, их трудовых стремлений, сопоставления догм социально-экономического развития общества с реальной ситуацией социального расслоения. Анализ имущественного положения некоторых современников зачастую вызывал у советских граждан желание написать претензионное письмо, содержащее их частное мнение о чем-то несправедливом обогащении, слишком больших материальных возможностях, получении благ, использовании связей и служебного положения и, соответственно, констатировать проявление у сограждан изменения ценностных установок недавнего прошлого. Важно, что письма являются первоисточником информации о публичных, часто коллективных, общегражданских представлениях в регионах, что позволяет проследить масштабы однотипных тенденций в стране.

Важнейшими измерениями социальной жизни 1960—1980-х годов являлись уровень общественного потребления, напрямую зависящий от показателей заработной платы, и степень многообразия желаемых и приобретаемых вещей, в том числе квартир, машин, дач и иных благ для комфортного проживания.

2. Особенности общественного отношения к институту жилой собственности и жилищно-бытовым вопросам: критика стремления к обогащению

Базовой составляющей материального благополучия граждан во второй половине XX века являлась жилплощадь. Е. М. Гусев из города Ростов

в письме от 15 февраля 1964 года в ЦК КПСС, обращаясь к власти, писал: *Вы говорите о братстве, но что-то вы на наших братьев не похожи. Вы живете в шикарных квартирах, получаете огромные оклады и ваши жены не стоят в тысячных очередях за перловкой. Хоть бы раз посмотреть, что и как вы кушаете* [РГАНИ, ф. 100, оп. 5, д. 1, л. 57]. И. Пастухов из Белгорода в письме в ЦК КПСС от 12 июля 1964 года рассуждал о назревающем в обществе социальном конфликте: *Высокие должностные оклады руководителей предприятий и привилегированной прослойки государственно-партийного аппарата, их стремление незаконными способами обеспечить себе максимально возможный комфорт в жизни вызвали у рабочего класса чувство острого недовольства, перераставшего в ненависть. Это отразилось на его отношении к государственной собственности. Он стал воспринимать ее как чуждую ему собственность* [Там же, лл. 102—103] (здесь и далее сохранены орфография и пунктуация источников).

Поэтому одной из первостепенных проблем социальной жизни был вопрос обеспечения жильем. В 1970-е годы его острота приобретает новые грани. Многие категории населения, рабочие и служащие не имели возможности получить квартиры, даже попадая на работу по распределению. Поэтому важнейшим мотивом написания сообщений в газету становилось недовольство политикой представителей местной государственной власти в данном вопросе. К примеру, в середине 1970-х годов в письме, направленном в газету «Правда» от П. З. Магомедова и К. С. Османова из Махачкалы, отмечалось: *В Дагестане, после XXIV съезда КПСС сделано много хорошего, выросли замечательные кадры, но за всем положительным скрываются очень серьезные пробелы и недостатки, недостаточно ведется борьба за сохранность социалистической собственности, часто на руководящие и материально ответственные посты назначаются люди по знакомству и личной выгоде. В этих серьезных упущениях повинны, в первую очередь, бюро обкома КПСС и его первый секретарь товарищ Умаханов, Совет Министров ДАССР и председатель товарищ Умалатов* [РГАНИ, ф. 5, оп. 5, д. 267, л. 57]. Возмущал авторов письма и факт улучшения жилищных условий, частой смены жилых квартир представителем президиума Верховного Совета ДАССР Ш. М. Шамхаловым. В частности, они констатировали следующее: *Возле вокзала размещался детский сад, Шамхалов облюбовал здесь квартиру, детсад переселили, а ему предоставили под жилплощадь. Ранее он приспособил себе под жилье половину двухэтажного дома, в строящемся доме Совмина, две квартиры ему переоборудуют в одну. Примеру Шамхалова следовал председатель Совмина А. Д. Умалатов, который имея квартиру из 4-х комнат, объединяет себе*

две квартиры в одну в новом доме. Власть дается людям не для того, чтобы они ей злоупотребляли, а для того, чтобы они умело ею пользовались, проявляли заботу о простых тружениках, показывали поучительные примеры [Там же, лл. 60—61].

Как правило, подобные письма власть не оставляла без внимания. Сообщения передавались на рассмотрение в ЦК КПСС, по приведенным фактам инициировались проверки. Так, после рассмотрения уведомления о злоупотреблениях служебным положением, в ответном письме от 25 апреля 1975 года Дагестанский обком КПСС оповещал, что обвинения против председателя президиума Верховного совета ДВССР Ш. М. Шамхалова не соответствовали действительности, так как его семья с 1962 года проживала в коммунальной квартире, а в связи с переездом в дом Совета министров он обязывался передать квартиру для нужд города. Председатель Совета министров ДАССР А. Д. Умалатов с семьей из 6 человек со времени переезда в Махачкалу также жил в коммунальной квартире [Там же, л. 63]. Конечно, в условиях отсутствия возможности покупки квартир, рядовые граждане, работая добросовестно и при этом наблюдая факты обогащения через использование служебного положения, квартирный вопрос рассматривали как первостепенный для улучшения качества жизни, а проблема злоупотреблений в этой сфере власть имущими приобретала резкое звучание.

25 ноября 1975 года в адрес газеты «Тамбовская правда» бывшим корреспондентом А. И. Серегиным были направлены записи, в которых автор указывал на нескромное поведение первого секретаря Тамбовского обкома партии В. И. Черного в быту, имея в виду постройку двухэтажного здания на приусадебном участке «по типу старинных царских чертогов»: *Жители областного центра, на виду которых вырос дворец, не без основания возмущаются барскими замашками руководителя области. Ведь многие трудовые семьи все еще ютятся в полуподвальных помещениях, —* свидетельствовал составитель письма [Там же, лл. 172—173].

Иногда, чтобы успокоить общественность, осуществлялись так называемые акции наказаний и взысканий. К примеру, одна из них была проведена после поступления в редакцию «Правды» письма без подписи следующего характера: *В Волгограде разбазариваются квартиры, но никто на это не реагирует, т. к. Куличенко все «замазывает». Все его сестры, дети, племянники получили квартиры в центре города, а знакомые генералы получают их за хорошую «благодарность» — генерал Андрющенко, например. Дочь Куличенко получила 4-х комнатную квартиру. Интересно, неужели на такого государственного вора нет судьбы? Жулики, спекулянты процветают и работают на своих местах. Квазиученый Косолапов*

пригнал из Москвы новую «Волгу», рассказывая, что выиграл по лотерейному билету [Там же, л. 98]. На данное обвинение первого секретаря Волгоградского обкома товарища Л. М. Куличенко, покровительствовавшего руководящим работникам области и своим родственникам, ЦК КПСС ответил запиской от 3 июня 1975 года за подписью заместителя заведующего отделом организационно-партийной работы Б. Моралова, где значилось: *Вопрос был обсужден на бюро обкома КПСС. За использование служебного положения в личных целях работники Н. М. Королев, В. А. Зюбенко, В. А. Старцев, Н. Т. Остапенко, Г. М. Косолапов освобождены от занимаемых должностей. Жилье родственниками было получено на общих основаниях* [Там же, л. 100]. Чаще все-таки случаи, подобные приведенному факту, оказывались недоказанными. Например, письмо А. Маремкулова и М. Макулова из Терского района Кабардино-Балкарской АССР от 14 апреля 1975 года содержало просьбу о помощи от высших партийных руководителей и газеты «Правда» в организации профилактических мер, торжества справедливости, *чтобы «авторитеты» не нарушали законов* [Там же, л. 105]. В ответе ЦК КПСС написано: факты проверкой не подтвердились [Там же, лл. 104—106]. Однако достоверно известно, что лицам, занимающим руководящие посты, выделяли апартаменты повышенной комфортности. К примеру, первый секретарь Вологодского обкома КПСС А. С. Дрыгин, находящийся в должности в 1961—1985 годы, проживал в трехкомнатной квартире. Этажом выше располагалась «гостевая» квартира, где размещали особо близких или особо важных гостей [Владимирская, 1997].

В сельской местности складывалась аналогичная картина. В подтверждение тому находим примеры из сводки уведомлений в «Правду» от 24 июня 1975 года, подготовленной корреспондентом отдела писем и массовой работы Н. Архипенко. К примеру, юрист райсельхозуправления П. Ф. Нестеркин из поселка Байкалово Свердловской области сообщал, что детские учреждения в районе размещались в ветхих зданиях, строительство сельскохозяйственных объектов растягивалось на годы, а «руководители на виду у всех строили себе особняки» [РГАНИ, ф. 5, оп. 5, д. 267, л. 119]. Для первого секретаря райкома партии Быкова, который подряд сменил несколько квартир, был построен дом со всеми удобствами, в котором жили его семья и семья начальника управления сельским хозяйством. Дом был построен за счет средств совхоза «Байкаловский» и обошелся в 52 тыс. 738 рублей. В 1975 году был воздвигнут особняк председателю райисполкома и его заместителю стоимостью в 45 тыс. рублей. В особняк стоимостью 41 тыс. рублей въехал второй секретарь райкома партии товарищ Вяткин, строительство этого дома велось за счет средств госстраха и промкомбината [Там же].

Нужно отметить, что люди, обращавшиеся в газету или ЦК партии, старались направлять письма анонимно, так как открытые сообщения влекли за собой притеснения лиц, требующих честности и законности. Обыватели, оставлявшие свое имя открытым, впоследствии испытывали разного рода притеснения, в том числе освобождались от должностей. В частности, заведующая сельской библиотекой Мартыновского района Ростовской области А. А. Крыгина в 1975 году рассказывала, что после опубликования ее критических статей директор совхоза товарищ Мазуров отвел ее кандидатуру при выдвижении кандидатов в депутаты местного Совета, материально ущемлял мужа А. Крыгиной, работавшего трактористом. В райкоме партии женщина также не нашла поддержки [Там же, лл. 120—121]. Юрист Воронежской маслосырбазы М. Ф. Потапов отмечал, что после его писем в райком и в газеты о фактах воровства продукции, нарушении порядка списания материальных ценностей администрация базы создала нетерпимую обстановку. При проверке факты подтвердились, а директор, главный инженер и бухгалтер получили взыскания. В итоге М. Потапову снизили размер премии, обошли с квартирой, завели график прихода и ухода с работы, а воровство продолжили [Там же, л. 124]. Примеров подавления инициативы людей, незаконного увольнения, умышленно задержанных премий в письмах множество, что говорит о развитии процесса злоупотреблений служебным положением со стороны советских руководителей.

Таким образом, проблема смены жизненных стандартов во властных структурах, связанная с расширением сфер жизни населения, куда проникали блат, так называемые «полезные связи», спекуляция и расчёт, всё больше тревожила рядовых граждан. Многие категории населения оказывались втянутыми в данный процесс, некоторые из них становились заложниками формирующейся системы, многие меняли систему взглядов, мировоззрение и становились полновесными участниками коррупционных махинаций, были и те, кто не мог смириться.

В 1981 году в «Литературную газету» было направлено множество писем с обсуждением положений проекта «Основные направления экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы». Жилищный вопрос ставился в них по-прежнему остро. Москвич Н. Г. Домницкий в 1981 году подчеркивал, что раздел VIII «Социальное развитие и повышение народного благосостояния» должен быть дополнен пунктом: *Каждую молодую семью с появлением ребенка обеспечить отдельной квартирой* [РГАНИ, ф. 100, оп. 5, д. 918, л. 36]. Значительный блок писем включал предложения и требования, связанные с необходимостью увеличения сети

домов-интернатов для пенсионеров, повышения уровня их благоустройства и социально-бытового обслуживания в них [Там же, л. 31]. В начале 1980-х годов сложность жизни в коммунальных квартирах охарактеризовала москвичка Н. А. Бутикова: *Мы терпим притеснения, ущемленность от чужих семей. Очень тяжело знать, что рядом живущие люди ждут твоей смерти, чтобы занять твою комнату*, — писала пенсионерка. Ею же, а также пенсионеркой С. А. Горбулевой из Новосибирска была обнародована просьба о строительстве домов с квартирами гостиничного типа для одиноких пенсионеров [Там же, л. 16—17, 31—32]. Ряд писем начала 1980-х годов в «Литературную газету» касался вопросов, связанных с необходимостью последовательного улучшения жилищных условий советских людей, повышения комфортабельности домов и уровня их благоустройства [Там же, л. 22]. Читатели затрагивали проблему одиночества, в том числе и необходимость совместного коллективно-соседского досуга. *С каждым годом в нашей стране строится множество жилых домов, десятки тысяч отдельных квартир. В них удобно жить, питаться, спать, смотреть телевизор, читать книги. Но люди изолированы друг от друга, человек замкнут в своем мире. Не случайно, видимо, районы массовых жилых застроек, особенно в крупных городах, называют «спальными районами». Почему бы не вернуться к прежнему общению с соседями, почему бы не сделать это общение деятельным, творческим, в духе дружбы и взаимопомощи. Один из путей — новая планировка жилых домов: выделить два-три помещения для общего пользования. Одно — для физкультурных занятий, другое для мероприятий: детских игр, занятий музыкой, техническим творчеством, для коллективного проведения праздников, для свадеб, дней рождения — это бы сплотило жильцов. Пора уже подумать и о строительстве домов с гаражами на нижнем этаже*, — указано в одном из посланий за 1981 год [Там же, лл. 106—107].

В системе власти наблюдали за развитием общественного мнения. Например, сообщения граждан анализировал политический обозреватель газеты «Правда» Ю. Жуков, о чем он делал соответствующие доклады в отдел агитации и пропаганды ЦК КПСС. В одном из писем, без указания авторства, пришедшем из Винницы в 1975 году, поднималась важная тема развития «обывательской антисоветской болтовни», которая порочила советский строй и руководителей партийных советских органов. В письме говорилось: *Пусть это письмо станет известно тем, кто обобщает и изучает словесные диверсии враждебной пропаганды, на приманку которой нет-нет, да и клюнет тот или иной человек, мало разбирающийся в политике, либо кем-то обиженный, либо чем-то недовольный* [РГАНИ,

ф. 5, оп. 68, д. 456, л. 46]. Таким образом, часть населения не воспринимала комментарии некоторых советских граждан о тех или иных вскрытых общественностью фактах. По этой причине высказывались полярные мнения об антисоветской деятельности, о желании возвести границу между рабочими, служащими и руководителями, вызвать недовольство, зависть, показать, что люди труда обмануты начальниками, которые рисовались в гражданских пасквилях как «новая аристократия», «особо привилегированная каста». Ю. Жуков отмечал: *Слушателям внушается такая мысль: кто пойдет за «начальниками», проповедующими коммунизм, если они создали коммунизм для самих себя, построив собственные особняки, дачи, разбогатели, а интересами рядовых людей не интересуются? У них инкрустированная дорогая мебель, изысканные ковры, хрусталь, золотые украшения, дорогие автомашины, а до простых людей им дела нет. Мы знаем, что некоторые начальники действительно скатились на путь личного обогащения, причем не всегда честным путем, но это лишь некоторые личности, использовавшие свое служебное положение в корыстных целях. Однако авторы распространяемых слухов и сплетен порочат всех руководителей повально. Разговоры о мнимом «перерождении всего партийного и советского руководства» приобретают все большее хождение. То и дело слышишь: «новое барство», «каста имущих»* [Там же, лл. 46—47]. Желание защитить коммунистическую идеологию вполне понятно, тем не менее жизненные эпизоды, связанные со стремлением к накоплению капитала, получению выгоды, трансформирующие ценностные идеалы в обществе, с течением времени становились вполне четким маркером времени.

Таким образом, на протяжении 1960—1980-х годов отношение к комфорту и обеспеченному быту изменилось сообразно процессам капитализации экономической жизни. К 1980-м годам потребительский идеал граждан трансформировался, при этом традиционные ментальные скрепы продолжали оставаться устойчивыми. Граждане писали о важности совместного досуга соседей, поскольку индивидуальный быт еще не укоренился в сознании людей (люди тяготели к жизни в бытовых коммунах), изолированность вызывала депрессивные чувства.

3. Специфика оплаты труда советских граждан: восприятие материального неравенства и социального расслоения

Денежные средства населения, заработная плата — острые вопросы второй половины XX века. Начиная с 1950-х годов граждане рассуждали о материальном неравенстве, противоречиях, связанных с этим явлением, нарушениях принципа оплаты по труду [Безнин и др., 2019б]. *У нас ужас-*

ная неразбериха с зарплатой. Наряду с мизерной, нищенской оплатой труда, невиданно громадные оклады всевозможного начальства, которое ни за что не отвечает. Малограмотный шофер получает 95 рублей, учитель с высшим образованием — 60, дворник домоуправления — 45, дворник школы — 30. Преподаватель вуза — 105. Рядом с излишествами, роскошью ужасная бедность, серость и безвыходность. Планы перевыполняем, а жизнь становится хуже, — писала рабочая общественность в 1964 году в Президиум ЦК КПСС и лично Н. С. Хрущеву [РГАНИ, ф. 100, оп. 5, д. 1041, л. 5]. В середине 1960-х годов во власть направлялось множество писем со схожим содержанием: У нас забывают о тех, кто получает зарплату или пенсию меньше 100 рублей. При растущих из года в год ценах на продукты и предметы широкого потребления они влачат полунищенское существование. Для каждого труженика самое важное это соотношение цен и зарплат. Необходимо принимать во внимание бесплатное лечение, образование, сравнительно невысокую квартплату, дома отдыха, санатории. Что касается последних, то туда попадает незначительная часть населения, многие попадают «по благу». Большие государственных средств нужно отдавать народу, на его нужды. Цены повышают каждый год, выкачивают из народа, а потом это идет на ненужные, в частности подарки, кредиты, «бескорыстную помощь». Неуклонно растет дороговизна жизни и недовольство ею [Там же, лл. 33—35].

Факты, свидетельствующие о контрасте в распределении оплаты труда, не единичны. К примеру, в письме из Иркутска начала 1960-х годов (без указания лица) также приведены данные о денежных выплатах: *генералы — 500—700 рублей, уборщицы — 40 рублей, командиры взвода 120—130 рублей. Распределение весьма полярно. Высокооплачиваемое чиновничество всеми силами будет держаться за свое положение, за свою долю благ, а если случится, что человек летит с высоты директора до самых низов, он, как правило, становится источником недовольств, выразителем «правды»* [РГАНИ, ф. 100, оп. 5, д. 1, лл. 22, 22 об.].

В анонимном письме начала 1960-х годов, адресованном Н. С. Хрущеву, гражданин из Днепропетровской области задавался вопросом: *Я не пойму, как объяснить процесс, который направлен на снижение зарплат рабочим на заводах, на увеличение норм, снижение расценок. Я хорошо понимаю, что ввод новых фабрик, заводов, новых мощностей — это необходимый процесс производства и увеличения выпуска продукции. До 1960 года на механическом заводе под Ленинградом в городе Подпорожье люди зарабатывали неплохо, например, токарь, слесарь средней квалификации зарабатывал 1200—1300 рублей (в старых деньгах). В 1960 году пе-*

рассмотрели нормы, расценки, и эти же рабочие стали получать по 700—800 рублей. И что вы думаете — они стали работать не 7, а 4—5 часов. Приходят на работу и вместо того, чтобы приступить к работе, слоняются, ходят из угла в угол. Потому что норму за 4—5 часов выполняют. Ну, а если будут перевыполнять, то норму опять увеличат. Так идут дела на многих предприятиях. Какой смысл расширять производство, ведь и на тех же производственных мощностях можно добиться хорошей и высокой производительности, только надо, чтобы рабочий получал хорошо [Там же, лл. 39 об., 40—40 об.]. Таким образом, люди задумывались о том, что оплата труда — это стимул развития его эффективности, большей выработки и продуктивности. При этом отмечалось, что руководители производств «чванствовали и противопоставляли себя народу». *Посмотрите, во что превратились торговые организации, фабрики, цехи, артели в городе Львове. Это сплошное воровство, мошенничество, жульничество, обман,* — продолжал тот же автор [Там же, л. 41].

Читатель «Литературной газеты», кандидат биологических наук Т. Г. Толмезова упоминала в письме от 1981 года о том, что министерства, ведомства, Госкомтруд РСФСР не всегда знали о потребности в работниках того или иного профиля, что затрудняло трудоустройство по специальности, по призванию. *При приеме на работу нередко процветают кумовство, блат, взятки, нарушается положение о конкурсах на замещение вакантных должностей,* — с досадой сообщала деятель науки [РГАНИ, ф. 100, оп. 5, д. 918, л. 24]. Старший научный сотрудник В. П. Иванов из Ленинграда в 1981 году предлагал обеспечить усиление зависимости заработной платы от конечных результатов работы, от трудового вклада [Там же, л. 45]. Отметим, что в соответствии с решениями XXVI съезда КПСС в стране стали осуществляться мероприятия, направленные на обеспечение зависимости заработной платы и премий каждого работника от его личного трудового вклада и конечных результатов работы коллектива [Завиновская, 1985, с. 4]. Тем не менее в письмах конца 1980-х годов сообщалось о том, что премии — это в основном прибавка к зарплате всем без исключения, которая не всегда давалась за действительно хороший труд. В письме за 1989 год из города Александровска Пермской области читаем: *Очень обидно за использование лесов, лучшие бригады лесозаготовителей прекрасно поработав получили премию. Половину же леса оставили в лесу гнить. Надо пустить этот лес в дрова. Плохое будет наше правительство, если не настоит на этом. Нужно ополовинить оклады всех, пока этого будет не сделано* [РГАНИ, ф. 95, оп. 1, д. 176, лл. 9 об.—10].

Итак, на протяжении 1960—1980-х годов расслоение общества усиливалось, безусловно, вызывая беспокойство и недовольство граждан. Постепенно изменялось отношение к достатку. По уровню владения жизненными благами выделялись наиболее обеспеченные (например, чиновничество, лица, занимающие высокие военные посты), средняя прослойка и бедные низы. К 1980-м годам социальное неравенство приобрело достаточно явные грани. Желание равного достатка просматривается в письмах, адресуемых власти, пропагандирующей идеи повышения народного благосостояния [Завиновская, 1985, с. 7].

Коллектив рабочих (не отметивших место проживания) в своем обращении к власти в 1964 году, сочувствуя крестьянам, указал причины бедственного положения в аграрной сфере. *Нам думается, что беда в том, что колхозники не являются хозяевами в колхозах. Безответственные люди распоряжаются их трудом. В колхозном деле нет порядка и полно беззакония. Как только производится уборка, начинается исключительная деятельность районных и областных органов. Разъезжают, дают указания, навязывают глупые социальные обязательства — побольше сдать зерна, рапортуют, митингуют. А к осени некоторые хозяйства не насчитывают посевных фондов, нечего делить на трудодни, фермы остаются без кормов. Колхозники остаются без хлеба, хозяйство подрывается в корне. А кто отвечает за это злоупотребление? Никто. Не делается расследований, привлечения к суду лиц, которые своей демагогией подрывают хозяйство страны. Перестройка управления промышленностью и сельским хозяйством ничуть не повлияла на рост производства. Было у нас много бездельников, тех кто “управляет”, а теперь стало, наверное, в 20 раз больше, — давали анализ рабочие, обеспокоенные ситуацией* [РГАНИ, ф. 100, оп. 5, д. 1041, лл. 4—5].

Таким образом, в 1960-х годах в обществе складывалось представление об ошибках в управлении трудовыми коллективами. Граждане оценивали деятельность руководящих органов и транслировали идеи о несостоятельности работы тех или иных представителей администрации. Во множестве писем, адресованных властям, за указанный период отмечались факты плохой работы магазинов в сельской местности: бедность ассортимента, перебои в снабжении, низкое качество товаров и отсутствие культуры обслуживания. Инженер А. В. Дорожкин, описывая проблему дефицита начала 1980-х годов, извещал редакцию «Литературной газеты», что недостаточность проявлялась во всем: в материалах, сырье, топливе, готовой продукции, кадрах. Интересно данное им описание психологии покупателя: *Не надо обходить весь большой универмаг. Увидел очередь — ста-*

новись, не раздумывай. Потом спросишь, за чем стоят. Тебе не надо? Все равно стой — жене пригодится, брату или приятелю. Нельзя упускать случая: сегодня не купил, завтра не достанешь [Там же, д. 918, л. 38].

4. Трансформация потребительских стратегий и советского образа жизни 1960—1980-х годов

В структурно изменяющемся обществе 1960—1980-х годов постепенно модернизировалось отношение к вещам. Имевшим важное значение элементом обеспечения граждан являлось обладание такими благами, как, например, автомобиль, телефон. Источники за 1960-е годы указывают на то, что люди с осуждением относились к тем лицам, которые пользовались средствами передвижения, имеющим такое имущество, как гараж, владеющих средствами связи. В письме к Н. С. Хрущеву от жителя Ленинграда П. М. Пашкова в 1963 году докладывалось о председателе Ленгорсовета Н. И. Смирнове. В бытность последнего имела большое распространение застройка территории индивидуальными хлевами-гаражами для автомашин, да таких размеров, что целые кварталы занимали капиталохранители с машинами марок ЛЕ, ЛИ, ЛД. В народе эти марки расшифровывались просто, например, ЛЕ — Ленинградский едиnochичник. На Аптекарском острове, рядом с заводами, медицинскими учреждениями, культурно-просветительными и другими, да и в других частях города, где можно было построить дома, у нас красуются индивидуальные гаражи, — сообщал П. М. Пашков [РГАНИ, ф. 100, оп. 5, д. 1, лл. 15—15об.]. В записке от 30 апреля 1975 года о фактах непартийного поведения ответственных работников аппарата Морозовского райкома партии, представленной в Политбюро ЦК КПСС Генеральному секретарю Л. И. Брежневу от председателя Морозовского райисполкома Ростовской области А. С. Баладжан, значилось следующее: *Как известно, через потребительскую кооперацию передовикам сельского хозяйства в личное пользование продаются легковые автомашины. Это хорошее дело, если бы машины продавались только тем, кому они предназначены. Десятки лиц, которые не имеют никакого отношения к сельскому хозяйству приобретают с ведома первого секретаря райкома партии Н. Д. Горгулёва и второго секретаря П. М. Косоножкина легковые автомобили под видом передовых механизаторов, животноводов, специалистов и т. д. Например, бывший зубной техник Мищенко, привлеченный к уголовной ответственности за махинации с золотом, дважды приобретал легковые автомобили. Передовиками сельского хозяйства, если верить бумагам, которые подписывал Косоножкин, являются и многие работники аппарата райкома: заведующие отделами,*

инструкторы, бухгалтер, шофер. Сам Косоножкин обманным путем, через колхозника, а затем через комиссионный магазин купил «Запорожец», затем продал его и купил «Жигули». Разве такие действия не подрывают авторитет партии в массах? Товарищу Горгулёву подсказывалось о незаконности таких действий, но его ответ был таков: «Легковые машины делит райком, кто будет вмешиваться с того будем отрывать головы и прогонять!» [Там же, д. 267, лл. 73—74]. ЦК КПСС подтвердило факты реализации легковых автомобилей из фонда поощрения передовиков производства различным ответственным работникам. В итоге за допущенные злоупотребления второй секретарь райкома Косоножкин был привлечен к партийной ответственности [Там же, лл. 81—82].

В 1980-е годы постепенно зрело убеждение, что такими благами жизни, как личные квартира, машина и телефон, народ должен пользоваться и владеть массово. Граждане по-прежнему остро реагировали на ситуации, связанные с приобретением имущества непорядочным способом. В 1974 году в Махачкалинском горкоме КПСС рассматривались вопросы о спекуляции машинами и строительстве личных дач за государственный счет [Там же, л. 58]. В материалах Госплана СССР на 1976—1980-е годы значилась цель ускорения телефонизации квартир, ввиду чего предполагалось увеличение ввода в действие городских телефонных станций на 1 млн номеров [РГАНИ, ф. 5, оп. 68, д. 1061, л. 253]. Тем не менее расчеты на практике оборачивались длительным ожиданием. Г. А. Блюмкин в начале 1980-х годов писал главному редактору «Литературной газеты» А. Б. Чаковскому: *Есть люди, которым нужны льготы, скажем, по состоянию здоровья нужен телефон, чтобы вовремя вызвать скорую помощь, стоять «на очереди» 3—5 лет нет возможности, просто можно не дожить до этого дня* [РГАНИ, ф. 100, оп. 5, д. 918, л. 15].

Особым маркером времени являлся рынок дефицитных товаров, ставший основой для развития сектора «теневой» экономики. *Дефицитные товары не попадают на прилавки наших магазинов. Председатель совхоз-рабкооп Л. М. Айплатов распределяет их лично сам. Ни одного ковра не показали покупателям. Айплатов раздает товары по запискам. Его близкие и знакомые платят деньги завмагу. Чтобы приобрести холодильник, куртки, мясные консервы, цемент, нужно обратиться к председателю,* — констатировал читатель «Советской торговли» В. Николаев из села Виловатово Горно-Марийского района Марийской АССР (Виловатский совхоз-рабкооп) в 1975 году [РГАНИ, ф. 5, оп. 68, д. 1030, л. 22]. В газету «Сельская жизнь» в 1975 году приходило множество сведений об отсутствии товаров первой необходимости, что вело к покупкам у частных лиц,

продающих продукцию по более высоким ценам. Например, В. Янсубаев из деревни Норкино Калтасинского района БАССР оповещал, что *за гребешок женщины платят спекулянтам от рубля до двух рублей. А что делать? И купишь* [Там же, л. 42].

В редакционной почте «Советской торговли» за 1975 год ежемесячно встречались письма, в которых говорилось о грубых нарушениях при продаже дефицитных изделий: хрусталя, кримпленовой ткани, норковых воротников, импортной обуви, крышек для консервирования. Нарушения выражались в том, что подобные товары отпускались из под прилавков по знакомству, а также «с черного хода», с баз и складов по запискам торговых руководителей [Там же, лл. 60, 61, 111—113].

В 1980 году в «Правду» поступали письма, свидетельствовавшие об умышленном создании явления дефицита. *Купить в магазине «Радуга» ОРСа «Ворошиловградуголь» практически ничего невозможно, а через черный ход, пожалуйста. Так, за транзисторный приемник «Весна» надо добавить 35 рублей. Восьмирублевая гитара идет за тринадцать, —* оповещала Е. П. Севрюкова из поселка Чернухино Перевальского района Ворошиловградской области [РГАНИ, ф. 5, оп. 77, д. 418, л. 11]. Г. М. Зубарев из Нальчика отмечал: *В магазине на полках лежат старые, запыленные товары, а все дефицитное отпускалось в подсобках. Процветает спекуляция. На черном рынке в изобилии все есть, только по цене в 2—3 раза выше государственной* [Там же, л. 14]. Читатели из Запорожья, Донецка, Краснодар, Москвы, Новороссийска в письмах за 1980 год также констатировали подобные факты, подтверждая перепродажу дефицитного товара спекулянтам, развивающим деятельность на рынках [Там же, лл. 11—18].

5. Содействие, оказываемое государственной властью гражданам в организации личных приусадебных хозяйств

Глубокие традиции в стране имел институт личного приусадебного хозяйства (в советской терминологии *подсобное хозяйство*), в жизни советских граждан он играл значительную роль. Образ «дачи» как символа благополучия и достатка был весьма популярным среди горожан в 1970—1980-е годы, в том числе как с точки зрения статуса, который она придавала человеку, так и в отношении отдыха от заводской повседневности [Безнин и др., 2019а, с. 90]. В проекте ЦК КПСС «Основные направления развития народного хозяйства на 1981—1985 годы и на период 1990 года», подготовленном к XXVI съезду партии, было предписано: *Оказывать всемерное содействие организации и развитию садоводческих и огородниче-*

ских товариществ рабочих и служащих. Увеличить производство садовых домиков, инвентаря, а также производство мяса, молока, картофеля, овощей и фруктов в подсобных хозяйствах предприятий, организаций и учреждений, в лесных подсобных хозяйствах населения, а также в садоводческих и огороднических товариществах рабочих и служащих [РГАНИ, ф. 100, оп. 5, д. 228, л. 9]. Письма-отклики на проект ЦК КПСС раскрывают взгляд на проблему функционирования личных подсобных хозяйств советских граждан, их значение для народного трудового воспитания. *Лучше ковыряться в саду или огороде, чем лежать на диване перед экраном телевизора или «забивать козла». Миллионы пенсионеров могут и должны включиться в работу на садовых и огородных участках. Если каждый вырастит хотя бы по килограмму фруктов, овощей, ягод — это тоже миллионы килограмм дополнительных продуктов. Меньше будут очереди в магазинах, упадут цены на рынках, повысится благосостояние народа. Меньше будет пьяниц и хулиганов. Садовые участки также нужны горожанам для более частого и активного общения с природой. В больших городах все острее чувствуется ностальгия по природе. Потребность в садовых участках велика. Об этом свидетельствует огромное количество объявлений: «Куплю дачу, дом, полдома, садовый домик», а также «дикие» цены на них. Однако идут годы, а вопрос о садовых участках не решается. В течение ряда лет они не выделялись. Проселочные дороги и земля, как правило, плохие. Болотистая местность, «бросовые земли». При выделении участков применяется «принцип» — «Я тебе, ты мне», — указывал ветеран войны И. М. Антонов из Москвы в 1981 году* [РГАНИ, ф. 100, оп. 5, д. 918, л. 5, 7]. Любопытен вывод, сделанный в упомянутом письме, звучащий как некое наиздание власти: *Садовые (огородные) товарищества имеют важное экономическое и социальное значение. Их надо всемерно развивать, помогать во всем, соответствовать словом и делом* [Там же, л. 13].

Иным образом складывалась ситуация в отношении приусадебных хозяйств работников сельского хозяйства. С 1970-х годов личное хозяйство как источник средств существования отошло на второй план (после оплаты труда в колхозе), занимая в совокупном бюджете колхозной семьи третью часть, а с начала 1980-х годов — сначала четвертую, а затем пятую часть доходов. Тем не менее колхозники не отказывались от личных хозяйств ввиду недостаточности получаемых зарплат, а также наличия глубоких ментальных установок, связанных с представлениями об обязательности приусадебного хозяйства — если не со скотом, то хотя бы с огородом [Безнин и др., 2019а, с. 92—93].

6. Формирование общественного мнения по вопросу устройства комфортной жизни и материального благополучия

Письма с выражением мнения о положении в стране, в частности материальной составляющей повседневной жизни граждан, с критикой экономики, бездействия партийных органов и др. часто адресовались руководителям государства. Так, в 1987 году Михаилу Сергеевичу Горбачеву было направлено анонимное письмо из Красноуральска Свердловской области, в котором указывалось на плохое обслуживание в здравоохранении, где отсутствовали специалисты, в том числе из-за дефицита жилья и продовольствия. *Отдых трудящихся проводить негде, где имеются базы отдыха — там «царствуют» руководители предприятий. В настоящее время жизнь в городе «умирает». Люди в городе не задерживаются, поэтому не хватает рабочих рук. По благоустройству нашему городу соревноваться только с деревней, где нет дорог с твердым покрытием,* — отмечалось в письме [РГАНИ, ф. 100, оп. 5, д. 228, л. 2].

В 1988 году к М. С. Горбачеву обращалась уроженка рабочего поселка Озинки Саратовской области Г. П. Филимонова. Она писала о нескончаемых трудностях, постигших несколько советских поколений: *Настоящая голодовка при Хрущеве. Во времена Брежнева совсем стало невыносимо, сплошное пьянство, дисциплины никакой нигде, сплошная ложь кругом, вот тут народ с сожалением повторял «теперь бы сталинскую дисциплину, был бы порядок кругом». Теперь же, Михаил Сергеевич, когда читаешь в газетах, что обещают повышение цен на продовольствие, введение платной медицины, возникает вопрос, когда же кончатся трудности, из-за пьяниц нельзя купить в магазине или аптеке дешевый одеколон для натирания* [Там же, лл. 3—4].

Упоминания об ушедших главах государства в письмах встречаются часто. Граждане, в основном старшего поколения, нередко выступали в защиту имени и политики И. В. Сталина. Например, не раскрывшая имени женщина, ветеран войны и труда из города Горький, в письме 1988 года излагала следующее: *Много я слышу о перестройке и ускорении. Но говорить давно, а сдвигов не видно. Как было в магазинах пусто, так и есть пусто, да и на заводах полно неразберихи. Если хочешь заработать, так и не вылезай из завода, а где же отдых? А вот Сталина трепали бы поменьше. При нем же в 1947 году были отменены все карточки и была реформа, где определили твердые цены на продукты. Так, где же эти цены, которые вы повысили. Приехала я с фронта, у нас комната в 9 кв. м. Всем писала, все без толку, а написала Сталину, ответ за его подписью (не каких-то там*

секретарей) и квартира была срочно дана. Это не 1988 год, а 1946 [Там же, л. 8].

Группа лиц, а именно: пенсионерка М. Е. Моря, учительница А. Н. Моря, студент И. В. Фомин, водитель А. Я. Ключев — в письме от 1988 года к М. С. Горбачеву выражали недоумение по поводу организации торговли в Москве: *Проблема ГУМА на Красной площади волнует не меньше. Крики, шум, ругань, тучи спекулянтов и мешочников. В ста метрах от Мавзолея идет бойкая торговля, всем безразлично, где они находятся, идет борьба в очередях. Ничего удивительного нет в том, что в первой социалистической стране появились наркомания, проституция, профашистские организации — мы сами повинны в этом* [Там же, лл. 6—7].

Итак, советские граждане выделяли следующие проблемы, препятствующие организации комфортной жизни: неблагоустроенность городов, социальные и экономические трудности (бедность, завышенные цены, деградация и маргинализация общества), в том числе нерешенный квартирный вопрос, процветающие спекулятивные торговые операции и др.

7. Заключение

Таким образом, в 1960—1980-е годы в советском социуме динамично зрела идея о глубокой общественной дифференциации. Многочисленные сведения о накоплении материальных средств и их излишков в руках государственных деятелей, руководителей организаций и предприятий городской и сельской местности вызывали народное недовольство и возмущение. Как правило, граждане апеллировали к ценностям коммунистической морали и нравственности. Разочарование во все более устаревающих идеалах коллективизма приводило к распаду бытовавших взглядов. В обществе начинали цениться связи, процветала спекуляция, развивались основы теневой экономики, а вместе с тем в мировоззренческие установки внедрялись принципы, сопряженные с недобросовестностью, желанием обогащения, наживы, в том числе за счет хищений в сфере государственной собственности. Сообщения, поступающие от населения в СМИ и центральные органы власти, свидетельствовали о нарастающей тенденции незаконных приобретений по трем направлениям: жилплощадь, средства передвижения, личное подсобное хозяйство. Характерным признаком жизни в период 1980-х годов стало стремление к комфортной жизни, накоплению благосостояния. Постепенно складывались преступные корпорации, вера в социализм и коммунизм слабела, утверждалась частнособственническая мораль, что в конечном итоге привело к реформированию жизненного уклада, а впоследствии к дезинтеграции советского альянса.

Источники и принятые сокращения

1. Банк социологических данных Института социологии РАН [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.isras.ru/Databank.html>.
2. Владимирская А. «Дворянские гнезда» / А. Владимирская // Русский Север. Пятница : газета. — 1997. — 11 апреля. — С. 6.
3. Единый архив экономических и социологических данных [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://sophist.hse.ru/db/>.
4. РГАНИ — Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 5. Оп. 5. Д. 267 ; Оп. 68. Д. 456, Д. 1030, Д. 1061 ; Оп. 77. Д. 418; Ф. 95. Оп. 1. Д. 176 ; Ф. 100. Оп. 5. Д. 1, Д. 228, Д. 918, Д. 1041.

ЛИТЕРАТУРА

1. «47 пятниц». Выпуски 1, 2, 3, 4, 5 программ и методического инструментария проекта «общественное мнение» (ПОМ) : репринтное издание информационных бюллетеней 1969—1972 гг. / отв. ред. и автор предисловия А. В. Жаворонков ; ФНИСЦ РАН ; МГУ им. М. В. Ломоносова. — Москва : Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, 2017. — 809 с.
2. Безнин М. А. Личное приусадебное хозяйство как индикатор отмирания аграрного общества в России / М. А. Безнин, Т. М. Димони // Вопросы истории. — 2019а. — № 12. — С. 84—96.
3. Безнин М. А. Общественное мнение середины 1950-х гг. о социальном расслоении в советском обществе / М. А. Безнин, Т. М. Димони // История социальных процессов в России (XX век) : сборник научных статей / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Вологодский государственный университет ; [главный редактор Т. М. Димони]. — Вологда : ВоГУ, 2019б. — С. 102—120.
4. Грушин Б. А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Жизнь 1-я. Эпоха Хрущева / Б. А. Грушин. — Москва : Прогресс-Традиция, 2001. — 619 с.
5. Жаворонков А. В. Российское общество : потребление, коммуникация и принятие решений, 1967—2004 / А. В. Жаворонков. — Москва : Вершина, 2012. — 568 с.
6. Завиновская Г. Т. Организация заработной платы в промышленности / Г. Т. Завиновская. — Киев : Вища шк., 1985. — 175 с.
7. Лапин Н. И. Проблема ценностей в исследованиях В. А. Ядова и его коллег / Н. И. Лапин // Экономическая социология. — Т. 10. — № 3. — 2009. — С. 82—93.
8. Левада Ю. А. Человек советский 1989—2003 гг. Размышления о «большинстве» и «меньшинстве» / Ю. А. Левада // Вестник общественного мнения : Данные. Анализ. Дискуссии. — 2004. — № 5 (73). — С. 9—18.
9. Пугачева М. Г. Институт конкретных социальных исследований Академии наук СССР, 1968—1972 годы / М. Г. Пугачева // Социологический журнал. — 1994. — № 2. — С. 158—172.
10. Человек и его работа : социологическое исследование / А. Г. Здравомыслов, В. П. Рожин, В. А. Ядов и др. ; под ред. А. Г. Здравомыслова и др. — Москва : Мысль, 1967. — 392 с.
11. Шубкин В. Н. Ценностные ориентации молодежи при выборе профессии / В. Н. Шубкин. — Москва : [б. и.], 1970. — 13 с.
12. Shlapentokh V. The Politics of Sociology in the Soviet Union / V. Shlapentokh. — Boulder : Westview Press, 1987. — 313 p.

FINANCIAL SITUATION OF SOVIET CITIZENS IN THE MIRROR OF PUBLIC OPINION OF 1960—1980s (ACCORDING TO LETTERS TO THE CENTRAL AUTHORITIES AND THE MEDIA)¹

© Anna S. Stoletova (2020) orcid.org/0000-0002-2167-072X, ResearcherID P-1507-2017, SPIN 4378-2093, PhD in History, associate professor, Department of Russian History, Institute of History and Philology, Vologda State University (Vologda, Russia), Stoletowa-A-S@yandex.ru.

Based on the archival sources first introduced into the scientific community, the article highlights the question of the material well-being of Soviet citizens in estimates of the mass consciousness of the 1960s and 1980s. Within the framework of the problems, the well-being of citizens, which are the drivers of the socio-economic development of the state, are considered. In addition, the mental side of the processes is affected. The question is raised of social stratification, the beginning of the formation of a new structure of society as the realities of the second half of the 20th century. It is noted that in the public environment, vigilant monitoring of the excessive enrichment of persons in leadership positions was conducted. Based on the analysis of the material database of the Russian State Archive of Recent History, the author concludes that the trend of the time was the increase in the number of illegal acquisitions in three areas: housing, motor transport, personal household plots. A problem related to modernization processes in the spiritual sphere of life in Soviet society is raised. It is shown that there were changes in the behavioral stereotypes of social classes in the development of the right to use socialist property in this area, in relation to things and the desire for a comfortable life in society. It is concluded that the global consequence of these phenomena is the affirmation of private property morality.

Key words: capital; property; Soviet period; material status; public opinion; social life; material values.

MATERIAL RESOURCES

Bank sotsiologicheskikh dannykh Instituta sotsiologii RAN. Available at: <http://www.isras.ru/Databank.html>. (In Russ.).

RGANI — *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv noveyshey istorii.* F. 5. Op. 5. D. 267; Op. 68. D. 456, 1030, 1061; Op. 77. D. 418; F. 95. Op. 1. D. 176; F. 100. Op. 5. D. 1, 228, 918, 1041. (In Russ.).

Vladimirskaia, A. (11 aprelya 1997). «Dvoryanskiye gnezda». *Russkii Sever. Pyatnitsa: gazeta*: 6. (In Russ.).

Yedinyy arkhiv ekonomicheskikh i sotsiologicheskikh dannykh. Available at: <http://sophist.hse.ru/db/>. (In Russ.).

REFERENCES

Beznin, M. A., Dimoni, T. M. (2019a). Lichnoye priusadebnoye khozyaystvo kak indikator otmiraniya agrarnogo obshchestva v Rossii. *Voprosy istorii*, 12: 84—96. (In Russ.).

¹ The study was supported by the Russian Science Foundation “Transformation of Russian Society of the 1950-1990s: Class Genesis and the Evolution of the Economic System”, project No. 19-18-00269.

- Beznin, M. A., Dimoni, T. M. (2019b). Obshchestvennoye mneniye serediny 1950-kh gg. o sotsialnom rassloenii v sovetskom obshchestve. In: *Istoriya sotsialnykh protsessov v Rossii (XX vek): sbornik nauchnykh statey*. Vologda: VoGU. 102—120. (In Russ.).
- Grushin, B. A. (2001). *Chetyre zhizni Rossii v zerkale oprosov obshchestvennogo mneniya. Zhizn' 1-ya. Epokha Khrushcheva*. Moskva: Progress-Traditsiya. (In Russ.).
- Lapin, N. I. (2009). Problema tsennostey v issledovaniyakh V. A. Yadova i yego kolleg. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*, 10 (3): 82—93. (In Russ.).
- Levada, Yu. A. (2004). Chelovek sovetskiy 1989—2003 gg. Razmyshleniya o «bolshinstve» i «menschinstve». *Vestnik obshchestvennogo mneniya: Dannyye. Analiz. Diskussii*, 5 (73): 9—18. (In Russ.).
- Pugacheva, M. G. (1994). Institut konkretnykh sotsialnykh issledovaniy Akademii nauk SSSR, 1968—1972 gody. *Sotsiologicheskii zhurnal*, 2: 158—172. (In Russ.).
- Shlapentokh, V. (1987). *The Politics of Sociology in the Soviet Union*. Boulder: Westview Press. (In Russ.).
- Shubkin, V. N. (1970). *Tsennostnyye oriyentatsii molodezhi pri vybore professii*. Moskva: [b. i.]. (In Russ.).
- Zavinovskaya, G. T. (1985). *Organizatsiya zarabotnoy platy v promyshlennosti*. Kiyev: Vishcha shk. (In Russ.).
- Zdravomyslov, A. G., Rozhin, V. P., Yadov, V. A. [i dr.] (1967). *Chelovek i yego rabota: sotsiologicheskoye issledovaniye*. Moskva: Mysl'. (In Russ.).
- Zhavoronkov, A. V. (2012). *Rossiyskoye obshchestvo: potrebleniye, kommunikatsiya i printsiyatiye resheniy, 1967—2004*. Moskva: Vershina. (In Russ.).
- Zhavoronkov, A. V. (ed.) (2017). «47 pyatnits». *Vypuski 1, 2, 3, 4, 5 programm i metodicheskogo instrumentariya proekta «obshchestvennoye mneniye» (POM): reprintnoye izdaniye informatsionnykh byulleteney 1969—1972 gg*. Moskva: Federalnyy nauchno-issledovatel'skiy sotsiologicheskii tsentr RAN. (In Russ.).